ИДЕИ И ПРАКТИКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ

С.Г. АЙВАЗОВА

«ЭМПАУЭРМЕНТ» КАК ПРИЗНАК И ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ ПОЛИТИКИ*

Эволюция понятия

В тот момент, когда фиксируются существенные различия в том или ином социальном явлении, неизбежно встают вопросы: каково происхождение этих различий, на чем они основаны? Эти вопросы возникают в последнее время и в случаях анализа современной массовой политики – при ее разведении на два вида: «массовую политику» и «политику масс (или в отношении масс)» [Круглый стол, 2013]. Аналитики отвечают на них по-разному. Одни скептически относятся к самой идее такого разведения и продолжают придерживаться традиционно негативных подходов к феномену масс в политике, сформулированных в свое время классиками политологии и политической психологии Э. Канетти, Г. Ле Боном, Х. Ортегой-и-Гассетом [Канетти, 1997; Ле Бон, 2010; Ортега-и-Гассет, 1997]. Другие, будучи убежденными проповедниками социального оптимизма, говорят о том, что эти различия явно дают о себе знать и что они вызваны формированием новых трен-

* Выполнено при поддержке РГНФ, исследовательский проект «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия», 13-03-00338.

дов, новых форм и норм массового включения в политический процесс [Штомпка П., 2012].

Чаще всего при этом ссылаются на социальные опыты, связанные со стратегией (и концептом) «эмпауэрмент» (англ. – «empowerment»). Эта стратегия, по большому счету, обделена вниманием отечественных исследователей и экспертов, хотя в Интернете имеется масса ссылок на нее. Между тем она заслуживает внимания не только тех, кто напрямую занимается массовой политикой, но и тех, кто изучает проблемы делиберативной и партисипаторной демократии, социальной работы, менеджмента и т.д. И концепт, и стратегия «эмпауэрмент» определяются одновременно как «критическая теория» и как «антидискриминационная практика», нацеленная на расширение массового участия в социальной и политической жизни, – не только в форме массовых протестов, но и в различных видах участия в повседневных практиках местных сообществ, коммун, в гражданских объединениях, движениях, в экспертной деятельности, в расширении возможностей общественного контроля и т.д. [Lord, Hutchison, 1993].

Приступая к рассмотрению стратегии «эмпауэрмент», важно обратить внимание на семантику и этимологию положенного в ее основу английского понятия, поскольку с его переводом на русский язык возникают смысловые напряжения. Отечественные исследователи толкуют его по-разному: «обретение / осознание силы», «уполномочивание», «эмансипация», «обретение возможностей» [Чикалова, 2001, с. 94]. Все эти значения адекватны, но не равнозначны данному английскому термину, корнем которого является слово «power» – власть. Словари предоставляют дополнительные возможности для поиска его русских аналогов [Empowerment, б.д.]. Приведу только некоторые из них: «empowerment» – полномочие, доверенность; усиление влияния, наделение силой, расширение прав и возможностей, укрепление потенциала; содействие в достижении самостоятельности. В скобках чаще всего добавляется: перевод зависит от контекста. На сайте «Академик.ру» отмечается: «В глубинном значении слова “empowerment” лежит идея самостоятельности – обретения самостоятельной роли или содействия в достижении самостоятельности». Некоторые специалисты попутно уточняют, что в английском языке сосуществуют два понятия для обозначения русского термина «власть» – «authority» и «power». Первое связывается с представлением о власти как позиции в оп-

ределенной структуре управления, второе – с реальным авторитетом, реальной способностью воздействовать на других, которой обладает далеко не каждый. В русской речи термин «власть» объединяет оба английских значения, не делая между ними никакого различия. И это не случайно, язык фиксирует реальность. Тем не менее В.Г. Ледяев, один из крупнейших отечественных специалистов по теории власти, сопоставляя семантические поля русского слова «власть» и английского «power», говорит об их совпадении в значениях «способность», «возможность», «господство» «преобладание», «доминирование». И на этом основании заключает: «Власть – это нечто, присущее субъекту; это потенциал, возможность, которая может быть реализована при определенных условиях» [Ледяев, 2001, с. 212].

Учитывая все эти соображения, я бы предложила переводить термин «empowerment» на русский язык, ориентируясь на его корневую основу «power». В этом случае перевод может звучать как «обретение власти». Но поскольку устоявшегося русского перевода данного понятия все еще не существует, а мне не хотелось бы терять какой-то из его глубинных смыслов, я решила использовать в этой работе англоязычный термин «эмпауэрмент». По сути, термин «эмпауэрмент» логически включается в ряд новых категорий анализа, пополнивших в последние десятилетия инструментарий политической науки. В их числе уже получившие признание понятия: политический менеджмент, политический маркетинг, политический пиар. По верному наблюдению С.Н. Пшизовой, «появление новых терминов стало ответом на потребности жизни и следствием того, что прежних категорий оказалось недостаточно для описания появившихся реалий. Содержательное наполнение новых понятий пока еще не устоялось, хотя научное сообщество и проявляет стремление разграничить термины, определиться с их содержанием» [Пшизова, 2013, с. 175].

С аналогичными трудностями при переводе термина «эмпауэрмент» сталкиваются не только отечественные исследователи. Авторы недавно вышедшей во Франции книги «Эмпауэрмент: практика эмансипации» оговариваются, что во французском языке ему нет аналога. Поэтому они также вынуждены использовать его либо без перевода, либо как фразеологизм «rouvoir d'agir», что в буквальном переводе на русский язык означает «власть действовать». И дело здесь не в том, что переводчикам недостает фанта-

зии, а в том, что сама идея «эмпауэрмента» чужда не только языку, но и социально-политической традиции Франции, в которой государство все еще остается основным актором, а измерения «коллективного», «коммунитарного» утверждаются с усилием. По словам авторов, «социология отчуждения и доминирования, пронизывающая французские подходы к социальному миру, оставляет мало места акторам и их способности к действию, их *agency* – понятию, которое описывает способность действовать у индивидов» [Vasqué, Viewener, 2012, p. 7]. Такого рода аргументы вполне применимы и к российской политической традиции – отсюда и трудности перевода.

Важно также учитывать время и место (хронотоп) возникновения и распространения термина «эмпауэрмент». И здесь опять возникают сложности. Понятие «эмпауэрмент» развивается во множестве интерпретаций, в зависимости от разных контекстов, и во множестве полей. Корневой глагол «*to empower*», приведший к его образованию, появился в Британии XVII в. для описания власти или формального авторитета. Термин «эмпауэрмент» возник там же в середине XIX в., когда складывалась современная политическая система, для определения одновременно и состояния власти, и действий, включая обретение навыков, по ее достижению.

Всплеск интереса к понятию «эмпауэрмент» пришелся на 60-70-е годы XX в., когда массовые студенческие волнения и возникшие на их фоне так называемые новые социальные движения сотрясали мир. Именно в эти годы понятие «эмпауэрмент» начинают использовать в пространстве гражданского общества. Его берут на вооружение активисты движения за народное образование в Латинской Америке; активистки женского движения, работающие в местных ассоциациях США, а затем и Южной Азии; активисты движения черных, требующие политического представительства, и др. Все они, так или иначе, приходят к выводу о необходимости «эмансипации» («эмпауэрмента») маргинальных, ослабленных с точки зрения социального сознания и гражданского участия групп сограждан, обретения ими статуса социального субъекта.

На американском континенте особую роль в продвижении стратегии «эмпауэрмента» сыграли идеи бразильского психолога, философа и педагога Паулу Фрейре, изложенные им в книге «Педагогика угнетенных». Книга вышла в свет на португальском языке

в 1968 г., на английском в 1970 г., а затем неоднократно переиздавалась на разных языках [Freire, 2000]. В этой книге, сочетая нео-/марксистскую социальную критику и теорию борьбы с колониализмом (по Францу Фанону), П. Фрейре предлагал создать такую систему образования, которая была бы построена на сотрудничестве педагога и ученика как активного участника со-творения знаний. П. Фрейре доказывал, что пробуждение самосознания учащихся с целью овладения знанием об исторических силах, определяющих человеческое существование, – главная задача современной педагогики. Педагогика должна быть направлена на преодоление различных форм доминирования одних людей над другими, ибо социальное доминирование дегуманизирует человеческую жизнь. В интенции социальная критика Фрейре выходила за пределы педагогики как таковой и была нацелена на радикальное преобразование общественных отношений путем «освобождения индивидуального сознания». Этот процесс «освобождения», или развития, индивидуального сознания Фрейре определял с помощью нового понятия «conscientizacao».

Оно мгновенно обрело популярность в среде участников новых социальных движений. При переводе на английский язык в качестве его аналога использовали термин «empowerment». В данном контексте понятие «эмпауэрмент» означало процесс, направленный на обретение социально ослабленными группами граждан (женщинами, представителями не белой расы, бедными и т.д.) «коллективного» или «критического сознания». Каким образом? Путем равноправного участия индивидов в групповой деятельности по развитию внутренних способностей к гражданскому действию – «власти действовать». Причем такая власть рассматривалась одновременно и как личностная, и как коллективная, нацеленная в перспективе на радикальные социальные перемены. Важно отметить, что понятие «эмпауэрмент» в этом случае концептуализируется в связи с действиями индивида по принятию на себя ответственности, самостоятельности, самодеятельности [Fortin-Pellerin, 1996, p. 57]. Такая трактовка понятия «эмпауэрмент» придала ему новое содержание, отличное от того, каким оно наполнялось в XIX в. Отныне речь идет не о власти, которую уступили, подарили «сверху», а о власти, которую генерируют «снизу». В данной трактовке «эмпауэрмент» превращается в концепт, преобразующий смыслы массового участия и массовой мобилизации.

Взяв концепт на вооружение, активисты новых социальных движений сохранили оба его измерения – измерение власти и процесс обучения навыкам ее достижения. Они полагали, что и состояние, и процесс могут быть как индивидуальными, так и коллективными, как социальными, так и политическими. В этой парадигме «эмпваэрмент» – путь к эмансипации и самореализации индивидов, к гражданскому признанию различных социальных групп и сообществ [Vasqué, Biewener, 2012, p. 13–14].

Социальная критика, связанная с этими движениями, по-новому формулирует цели протестного действия, перенося акцент с классовой борьбы как его основной формы на протесты против иных форм социального неравенства, скорее, связанных с проблемами идентичности во всем ее многообразии. Вот почему со всей остротой поднимаются вопрос о равноправии женщин, расовый вопрос, вопросы региональной идентичности, экологии и т.д. Именно в этот узел анализа вводится и вопрос о власти – одновременно на ее индивидуальном, коллективном и социальном уровнях. А параллельно рассматривается проблема «агенсу» (как способности действовать), т.е. развития гражданской компетенции индивидов и групп [Lukes, 1974, p. 14]. Таким образом, «эмпваэрмент» начинает рассматриваться как особая стратегия массовой политики, направленная на обретение «угнетенными некогда личностями способности распоряжаться своими судьбами, на расширение участия в делах общества и присутствия в соответствующих властных и политических структурах» [Чикалова, 2001, с. 94].

Особый вклад в теоретическое и практическое развитие концепта «эмпваэрмент» вносит в эти годы феминистская критика, озабоченная проблемами подчиненности женщин. В дебатах активисток и теоретиков женского движения того времени три темы оказались особо значимыми как для формирования стратегии «эмпваэрмент», так и для содержательного переопределения проблем современной массовой политики – тема идентичности и политической субъектности; тема разнообразия и права на различие; тема новой властной парадигмы.

В ходе этих дебатов существующей концепции власти – «мужской», «либеральной», «инструменталистской», выраженной формулой «власть над...», – была противопоставлена концепция «власти для...», «власти вместе...», «власти как энергии и компетенции» вместо «подавления», власти, не дарованной сверху, а

приобретенной снизу. Эта интеллектуальная операция проводилась с опорой на мыслительные разработки теоретиков самого разного плана – от Х. Арендт до М. Фуко, А. Турена, Н. Пуланзаса и др. При этом теоретические поиски сопрягались с практической деятельностью женских организаций. Как пишут американские исследовательницы В. Тейлор и Н. Уиттьер, «альтернативные институты первоначально представлялись... способом получения власти путем улучшения жизни женщин и расширения их ресурсов» [Тейлор, Уиттьер, 2001, с. 972]. Такими институтами могли быть центры здоровья, центры реабилитации после изнасилования и приюты для пострадавших от домашнего насилия; книжные магазины и объединения художниц и поэтесс; газеты, издательства, кредитные союзы и т.д. В каждой из таких групп ее участницы обменивались личным опытом, который интерпретировался в категориях «политического». Фраза «личное есть политическое», произнесенная на одной из таких встреч Кэрол Хэниш и развитая в работе Кейт Миллет «Сексуальные политики», стала «клеймом» этой стратегии» [Тейлор, Уиттьер, 2001, с. 980].

В дебатах о власти, о господстве / подчинении и возможном освобождении ключевой стала тема (как целеполагающая, так и инструменталистская) о праве угнетенных на автономию, субъектность, идентичность, наконец, на гражданское и политическое представительство. При этом она оказалась тесно переплетенной с идеей гражданского разнообразия, или множества, связанного не с «онтологией», а с многообразием социальных отношений и конфликтов в современном обществе. Тему вбросили в дебаты представительницы женского «черного» движения, взбунтовавшиеся в процессе реализации идеи «эмпауэрмент» на практике против «гегемонии» белых образованных женщин и их «ограниченного понимания задач женского движения». Наиболее полно эту позицию выразила исследовательница белл хукс¹ в ставшей широко известной книге «Феминистская теория: от края к центру». Исследовательница настаивала в ней на том, что целью стратегии «эмпауэрмент» в женском движении должно быть не просто социальное равенство женщин и мужчин, а «искоренение культурного базиса и

¹ Исследовательница в знак солидарности со всеми угнетенными нарочито писала свое имя не с заглавной, а с маленькой буквы.

причин сексизма, равно как и других форм группового угнетения» [Хукс, 2000, с. 253].

Тема социального разнообразия, множества, оказалась крайне востребованной в рамках стратегии «эмпваэрмент». Характерно размышление на эту тему политолога Н. Фрейжер, которая доказывала, что «борьбу групп, сплотившихся под знаменами национальности, этничности, расы, гендера и сексуальности, питают требования “признать различие” с точки зрения социального равенства... классовый интерес как основное средство политического сплочения заменяется групповой идентичностью, а эксплуатация как фундаментальная несправедливость – культурным доминированием» [Фрейжер, 2001, с. 258]. Философ Дж. Скотт, в свою очередь, так подводила итог этим теоретическим поискам: «Современные теории не предполагают фиксированных отношений между сущностями, а трактуют их как изменчивые эффекты временной, культурной или исторической специфики, динамики власти... Ни индивидуальная, ни коллективная идентичность не существует без другого; включенности не существует без исключенности, универсального – без отвергнутого частного, не существует нейтральности, которая не отдавала бы предпочтение ни одной из точек зрения, за которыми стоят чьи-то интересы, власть играет существенную роль в любых человеческих отношениях... Для нас различия – это факт человеческого существования, инструмент власти, аналитический инструмент» [Скотт, 2004, с. 11, 25].

Толкование «различий» в идентичности, субъектности не как маргинальности, исключения из культуры, не как отклонения от нормы, а как некоей ценности, резко расширяло границы применения стратегии «эмпваэрмент». Ведь в этой парадигме «другой» (другая субъектность) получал свой полновесный статус, за «другим» признавалось право на полноценное существование и гражданские, политические полномочия. Этот подход утверждал многоликость, пестроту социального пространства, которое держится в напряжении не одним центральным конфликтом, не одним противоречием – классовым, расовым или национальным, а множеством разных конфликтов, разных противоречий, по-разному и разрешаемых. Это был кульминационный момент в развитии концепта «эмпваэрмент» в русле радикальной социальной критики.

В 1980–1990-е годы идею «эмпваэрмента» перехватили другие политические и социальные игроки – от реформаторов, вопло-

щавших ее в проекты развития массового самоуправления на низовом уровне, до менеджеров Всемирного банка, а также – экспертов ООН, озадаченных проблемой массовой бедности и пытавшихся на основе этой идеи выстроить технологии обретения самостоятельности социально уязвимыми слоями населения за счет «микрофинансирования», предоставления различных грантов, включения во всевозможные социальные «программы развития» [Lord, Hutchison, 2004, p. 22]. В то же время под напором женского движения гендерные вопросы были включены в международную политику и заставили пересмотреть ее приоритеты и ориентиры [Роденберг, Вихтерих, 2013].

В тех или иных видах стратегия «эмпауэрмент» была распространена в самых разных регионах – от Южной Америки до Африки и Юго-Восточной Азии. Какие-то реформаторские опыты были успешными, а какие-то сопровождались содержательным выхолащиванием концепта «эмпауэрмент» – вместо «обретения возможностей» «реципиенты» втягивались либо в опыты «самоуправления бедных», либо в «самоэксплуатацию» [Regmi, 2011]. Но это не повлияло на популярность самой идеи.

В конце XX в. понятие «эмпауэрмент» пришло на европейский континент в литературу и публичные дебаты, связанные с проблемами «демократии участия» [Avenel, Duvoux, 2013]. Оно же стало ключевым в различных публикациях, адресованных медикам, педагогам, социальным работникам, которые с его помощью описывали возможности «коллективного действия» по социальным преобразованиям; в работах по менеджменту, предназначенных для управленческого персонала предприятий [Sheafor, Horejsi, 2011]. В нем видели рецепт по перестройке кризисных профессиональных практик, с ним же связывали перспективу развития гражданского общества [Sheafor, Horejsi, 1996]. Одновременно в условиях кризиса 2008–2009 гг. концепт позволил осуществить перетолкование нелиберальных идей в духе повышения ответственности индивидов – их «включения» [Филиппова, 2011, с. 51–55] в социальные процессы и участия в них [Empowerment and Poverty Reduction, 2002].

В наши дни специальная литература по этой теме появляется в таких различных отраслях знания, как социальное действие, образование, международное развитие, в разных направлениях – университетские курсы, профессиональная, управленческая или политико-административная деятельность. Концепт «эмпауэрмент» раскрыва-

ется через множество определений и методов оценки. Отсюда – его многозначность и размытость, отсюда же – ослабление его радикальной направленности. Тем не менее ключевой посыл концепта – самостояние акторов, вовлеченных в тот или иной процесс, их сотрудничество поверх иерархических и бюрократических барьеров, сохраняется повсеместно. Он используется для описания новых подходов к социальной реальности, нацеленных на разрыв с методологией социальной политики или менеджмента, пронизанных духом патернализма и социального неравенства [Kirszbaum, 2012].

С этой точки зрения «эмпауэрмент» может рассматриваться как некий ключевой концепт, сопряженный с самыми разными теоретическими поисками, объясняющими и обосновывающими демократическую направленность современной массовой политики [Павлова, 2011, с. 88–94]. Так, один из столпов социологии Петр Штомпка убежден в том, что в последние десятилетия у наших современников формируется некое особое качество, которое он определяет, вводя понятие «цивилизационная компетентность». П. Штомпка трактует его как «широкое собрание культурной predisposedности, охватывающей готовность к участию в политической и самоуправленческой деятельности» [Штомпка, 2012, с. 50]. Параллельно схожее понятие «гражданская компетентность» развивает и патриарх политологии Роберт Даль [Dahl, 1992]. С близких позиций смотрит на массы современников американский социолог Говард Рейнгольд, еще в начале нулевых годов выпустивший в свет книгу с красноречивым заглавием «Умная толпа: новая социальная революция». В ней он объявил устаревшим подход к массовой толпе как некоей угрозе, особо подчеркнув, что классический «закон толпы» вот-вот перестанет работать. По его мнению, люди, использующие новые коммуникационные технологии, теперь будут собираться только в «умную толпу». Разновидностью «умной толпы» уже стали флешмобы – мгновенная толпа, спланированная акция, которая собирает большую группу людей с помощью их коммуникации [Рейнгольд, 2006].

«Гражданская» или «цивилизационная» компетентность, со своей стороны, способствует институционализации взаимодействия между гражданами и властями, прежде всего, на локальном, региональном уровнях. Именно такого рода взаимодействие в форме «интенсивных переговоров», «включения» граждан в процессы принятия решений, по убеждению одного из самых влиятельных теоретиков

власти Чарльза Тилли, обеспечивает состояние «демократии». Тилли доказывает, что «режим можно признать демократическим, если политические отношения между гражданами и государством выражены широкими, равноправными, защищенными и взаимобязывающими процедурами обсуждения» [Тилли, 2007]. Противоположный процесс, который Тилли называет «де-демократизацией», вызывается, как правило, резким сокращением влияния граждан на процессы принятия решений или их «исключением» из этих процессов. Вместе с этим исчезают основания для стратегии «эмпваэрмент», а также сопряженной с ней массовой политики – в пользу «политики масс».

Впрочем, некоторые влиятельные теоретики в принципе оспаривают саму идею «гражданской» компетентности, а шире – субъектности, у рядовых и уж тем более у социально «ослабленных» категорий граждан. В качестве примера сошлюсь на модного в последнее десятилетие философа Славоя Жижека, убежденного в том, что основной дефект демократии участия – это недостижимость идеала «всезнающего гражданина». Жижек не отрицает, что время от времени действительно возникают моменты интенсивного «коллективного участия», когда местные сообщества дискутируют, принимают решения, когда люди живут в «чрезвычайном положении», беря инициативу в свои руки, и никакой вождь («хозяин», «господин», «мэтр» – синонимы у Жижека) их не ведет вперед. Но Жижек убежден в том, что такие состояния не могут долго длиться, – от них у рядового гражданина возникает «усталость», которую философ относит не к категории «психологии», а к «категории социальной онтологии». И объясняет: «Огромное большинство людей, включая и меня, хотят быть пассивными и полагаться на эффективный государственный аппарат, гарантирующий плавный ход всего государственного механизма, почему я и могу тихомирно делать свою работу» [Жижек, 2013].

С. Жижек стремится развенчать «миф о прямой самоорганизации» масс, выстроенной в расчете на вовлеченность, активность, самостоятельность граждан, на «самоорганизацию множеств», т.е. на «эмпваэрмент». Он доказывает, что молекулярное «самоорганизованное множество» может быть альтернативой иерархическому порядку только «под сенью» харизматического лидера. По его мнению, абсолютно неверен широко распространенный тезис: «Люди знают, чего они хотят». В действительности рядовые граждане «этого не знают и знать не хотят, им нужна хорошая элита! Вот почему на-

стоящий политик не просто отстаивает интересы людей – через него сами люди начинают понимать, чего они “хотят на самом деле”» [Жижек, 2013].

С. Жижек ссылается при этом на опыт Венесуэлы, подчеркивая, что в этой стране многие увидели образец зарождения прямой демократии в различных вариантах, – местные советы, кооперативы, рабочее управление на заводах. Но в Венесуэле опыты самоуправления проводились под патронатом президента Уго Чавеса – харизматического лидера, который остался таковым в памяти людей. Используя этот пример, С. Жижек утверждает: чтобы индивиды покончили с «пассивностью политического представительства» и начали действовать как непосредственные политические агенты, необходима фигура вождя, который «должен знать», чего они хотят. «Субъекту нужен Хозяин, чтобы он поднялся над уровнем “человека-животного” и осуществил бы верность Истине-как-событию» [Жижек, 2013].

Так в общих чертах выглядит основная дилемма в экспертных подходах к современной массовой политике, которая рассматривается в одном случае как процесс, развивающийся «снизу» на основе «эмпауэрмента», эмансипации и самоорганизации «множеств» граждан, включенных в диалог с государством; а в другом – как процесс мобилизации масс, народного «большинства», выстраиваемый «сверху» Хозяином, лидером, на основе его воли и видения мира, что скорее исключает «эмпауэрмент» [Чечель, 2014].

«Эмпауэрмент» как российская проблема

Посмотрим с этой точки зрения (в первом приближении) на ситуацию в России, используя данные опроса, проведенного исследовательским коллективом под руководством С.В. Патрушева в июне 2014 г. в рамках исследовательского проекта «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия». Поскольку «эмпауэрмент» является основой массовой политики, возникающей путем генерирования власти «снизу», понятно, что для нее необходим актор, наделенный такими гражданскими качествами, как компетентность, ответственность, способность влиять на принятие решений, готовность к участию и действию (agency) в поле политики. Обладают ли такими качествами наши сограждане? И можно

ли обнаружить серьезные гендерные различия (разрывы) в их позициях, что в нашем случае оправдывало бы разделение мужчин и женщин на категории «социально ответственных» и «социально ослабленных»?

Начнем с их гражданской компетентности, которая, как известно, базируется на интересе к политике и осведомленности о ней [Айвазова, 2011, с. 231–237]. Ответы на вопрос: «Насколько Вы интересуетесь политикой» показали, что среди респондентов «очень интересуются политикой» (т.е. реально интересуются ею) почти 23% мужчин и 12% женщин; «в некоторой степени интересуются политикой» – 43% мужчин и 49% женщин. Остальные – 34% мужчин и 39% женщин – либо очень «мало интересуются политикой», либо «не интересуются ею совсем» (в данном случае в их число попадают и затруднившиеся с ответом). Ощутимый гендерный разрыв заметен в первом, самом показательном, варианте ответа на данный вопрос. На близкий вопрос: «Считаете ли Вы себя политически информированным человеком?» – были получены такие ответы: «да» – 19% мужчин и около 11% женщин; «скорее да» – 45% мужчин и 39% женщин. 36% мужчин и 50% женщин признали себя политически «скорее нет» или «совсем не информированными». И здесь очевидны весомые гендерные разрывы. Сегодня, в условиях «информационных войн», очень важно еще и откуда граждане получают информацию. Наши респонденты сообщили, что основной источник политической информации – телевидение, несколько более важный для женщин (79%), чем для мужчин (71%). За ним следует Интернет – в «обратном» гендерном соотношении – как источник информации для 67% мужчин и 56% женщин. Почти половина респондентов чаще получают информацию от друзей, знакомых, сослуживцев – 46% мужчин против 47% женщин; несколько меньше – из газет (43% мужчин и 41% женщин). И только четверть респондентов узнают «про политику» по радио – 28% мужчин и 25% женщин. Если судить по источникам информации, то, видимо, политическая информированность у мужчин критически несколько более выверена, чем у женщин. Оценивая в целом эту совокупность ответов, можно прийти к выводу, что женщины политически менее компетентны («ослаблены»), чем мужчины.

Теперь несколько слов о том, каковы общие подходы наших сограждан – мужчин и женщин к проблемам демократии. Вопрос:

«Что такое демократическое правление?» разделил наших респондентов на следующие группы: ответ: «Властные функции осуществляются профессионалами» выбрали около 14% мужчин и 18% женщин; ответ: «Граждане принимают политические решения сами» – 19% мужчин и 10% женщин; ответ: «Народ осуществляет свою власть через своих избранников» – 41% мужчин и 40% женщин; ответ: «Власть осуществляет лидер, избранный большинством народа», – 17% мужчин и 18% женщин. При заметном сходстве мужских и женских представлений в этом вопросе очевидно, что среди мужчин больше сторонников прямой демократии, т.е. сторонников «прямого участия и действия», чем среди женщин.

В свою очередь, отвечая на вопрос «Что важнее для России: развитие демократии или сильный лидер?», 41% мужчин и 36% женщин предпочли позицию «демократия», 44% мужчин и 47% женщин – «сильный лидер». Затруднились ответить 15% мужчин и 17% женщин. Очевидна слегка большая склонность женщин к авторитарной власти. Однако утверждение «решение наиболее важных для общества вопросов нельзя доверять только политикам» получило почти равную поддержку мужчин и женщин – за него высказались трое из четырех респондентов (к) в каждой категории. Гендерные различия незначительны и в отношении утверждения: «надо чаще проводить референдумы, чтобы знать мнение людей» – его поддержали 67% мужчин и 71% женщин. Это оказалось верно и в случаях критического отношения к таким утверждениям, как «попытка реализовать любые политические идеи, кроме идей власти, ведет к беспорядку», – оно встретило понимание со стороны 24% мужчин и 26% женщин. «Правительству следует действовать без оглядки на то, что думает большинство» – одобрили только 10% мужчин и 8% женщин. Показательно и то, как отнеслись респонденты к утверждению: «Решить насущные проблемы россиян способен только президент». С ним согласились 18% мужчин и 17% женщин, а не согласились в равной мере по 70% мужчин и женщин. Иными словами, реакция наших респондентов на предложенные нами утверждения свидетельствует о желании быть услышанными теми, кто принимает государственные решения, и даже влиять на последние. Ведь и мужчины и женщины совершенно четко осознают свою отстраненность от того, что происходит в стране. Отвечая на вопрос: «От кого зависели перемены в России с 2000 года?», – примерно равное число мужчин и женщин – чуть бо-

лее 70% – выбрали ответ от «лидеров страны»; и около 40% мужчин и женщин – от «государственных чиновников» и «политиков» и еще примерно 25–30% выбрали бизнес – легальный и теневой, а также внешних бенефициариев – власть и бизнес США и Западной Европы. Остальные категории не вышли за пределы 10% – рабочие и служащие, интеллигенция, представители науки и культуры, пенсионеры, молодежь, церковь, религиозные общины.

Итак, на какие же сферы жизни хотели бы в первую очередь влиять наши респонденты (см. табл.)?

Таблица

Хотели бы влиять на:	Мужчины	Женщины	Это не мое дело, меня не касается	
			Мужчины	Женщины
политику в сфере образования	58	65	29	21
распределение бюджета	55	52	28	32
пенсионную политику	53	64	32	24
культурную политику	51	53	32	27
экономическую политику	51	43	32	37
внешнюю политику страны	46	34	36	47

Итак, значительное число респондентов – от двух третей до половины – особо волнуют такие проблемы, как здравоохранение, пенсионная политика и образование, и они, особенно женщины, хотели бы иметь влияние в этих сферах, которые непосредственно затрагивают их повседневную жизнь. А что они готовы делать для этого уже сегодня? 49% мужчин и 53% женщин сообщили в ходе опроса, что они работают в добровольных, благотворительных фондах или поддерживают своими пожертвованиями эту доступную и наименее политизированную сферу гражданской деятельности. Членами профсоюза являются 15% мужчин и 17% женщин; примерно по 5% мужчин и женщин – члены творческих организаций разного типа; по 4% мужчин и женщин входят в молодежные организации; около 3% мужчин – члены ветеранских организаций, женщины не отметились в них совсем; по 2% мужчин и женщин входят в объединения предпринимателей. Но по 70% мужчин и женщин не сотрудничают вообще в каких-либо гражданских объединениях.

Представление о готовности наших респондентов к участию в местных органах власти можно получить, исходя из их ответов на вопрос: «Предположим, Вы устали от проблем в Вашем микрорайоне, и у вас есть свободное время. Попробуете ли Вы стать муниципальным депутатом?». Ответ «да» выбрали в этом случае около 19% мужчин и 14% женщин. И здесь наши сограждане не рвутся к ответственности. А ведь это – сфера, в значительной степени определяющая условия повседневной жизни людей.

Исходя из того, что 66% мужчин и 69% женщин считают, что участие в политике – это их право; а почти 25% мужчин и 29% женщин вообще расценивают участие в политике как обязанность гражданина, можно было бы предположить, что наших респондентов больше привлекает сугубо политическая деятельность. Тем более, что почти 75% мужчин и 63% женщин убеждены в том, что они «имеют» и «скорее имеют политические взгляды» (кстати, еще одно свидетельство явно меньшей политической компетентности женщин).

Так кто же из них лично участвует в деятельности тех или иных политических объединений? Положительно ответили на этот вопрос только 16% мужчин и около 8% женщин. Одновременно, отвечая на вопрос: «Считаете ли Вы себя политически активным человеком?», – ответ «да» выбрали 26% мужчин и 14% женщин (обращаю внимание и на эти существенные гендерные разрывы, которые говорят о меньшей склонности женщин к политической активности). Известно, что наиболее распространенная форма участия наших сограждан в политике – это выборы. Примерно две трети избирателей в них участвуют практически всегда, при этом женщины отличаются большей дисциплинированностью [Айвазова, 2014, с. 269]. Каковы же мотивы электоральной активности наших сограждан? Большинство наших респондентов – 70% мужчин и 78% женщин – выбрали ответ «Желание реализовать право выбора». Следующим по значимости стал ответ: «Хочу влиять на политику страны». Его предпочли 67% мужчин и 65% женщин. О том, что они хотят своим голосованием выразить недовольство действующей властью, сообщили 55% мужчин и 56% женщин. Напротив, о том, что они хотят поддержать действующую власть, – 34% мужчин и 37% женщин. Ответ «привычка» выбрали в равной мере по 32% мужчин и женщин¹.

¹ Респонденты могли выбрать несколько ответов на данный вопрос.

Итак, практически две трети респондентов хотели бы влиять на «политику страны». Но каким образом? Посмотрим на то, как распределились ответы респондентов на следующий вопрос: «Если Вы стремитесь к тому, чтобы в будущем к власти пришли политики / партии, выражающие Ваши интересы, что конкретно Вы готовы сделать уже сейчас?».

Итог: в том или ином, достаточно дробном, сегменте ответов 54% мужчин и 42% женщин заявили о своей готовности способствовать тому, чтобы в будущем к власти пришли те политики или партии, которые выражают их интересы. Соответственно, 46% мужчин и 58% женщин к этому не стремятся. Обнаруженный при этом гендерный разрыв еще раз подтверждает, что мужчины политически заметно более активны, чем женщины. Отметим попутно, что данные о «готовности» респондентов к поддержке «своих» в поле политики явно не совпадают с приведенными выше данными об их реальном участии в деятельности тех или иных политических объединений.

Как в таком случае выглядит в гендерном разрезе готовность к массовому действию? Более половины респондентов – 57% мужчин и 45% женщин – заявляют, что они «весьма вероятно» и «вероятно» примут участие в массовых протестных акциях, схожих с теми, что проходили в 2011–2012 гг.; а ответ, что это «маловероятно» и «исключено», выбирают 36% мужчин и 42% женщин. В то же время на вопрос: «Когда в Вашем городе, районе бывают митинги, демонстрации или другие выступления граждан с политическими требованиями, Вы лично принимаете в них участие?», – положительно отвечают 23% мужчин и 16% женщин; отрицательно – 53% мужчин и 62% женщин. Между желанием участвовать в массовых протестах и реальным участием в них и у мужчин, и у женщин вновь очевидно существенное несовпадение. С другой стороны, готовность поддержать политику властей на массовых митингах выразили в ответах на соответствующий вопрос по 28% опрошенных мужчин и женщин; 51% мужчин и 45% женщин ответили «Нет, не готов».

Иными словами, большинство респондентов не проявляют и не готовы проявлять активности в политике. Не случайно, около 66% мужчин и 78% женщин отказались признать себя «политически активным человеком». Ответ «Да, считаю» выбрали в этом случае около 26% мужчин и только 14% женщин. Ответ подтвер-

ждает уже зафиксированную тенденцию к меньшей политической ангажированности женщин и их очевидно меньшую склонность к политическому действию.

Почему же наши сограждане, почти две трети которых изъявляют желание влиять на политику в стране, в основной своей массе уклоняются от прямого действия (и прямой ответственности) в политической жизни, за исключением голосования на выборах? Наши респонденты объясняют причины «непричастности» граждан России, учитывая, очевидно, и свою мотивацию:

- отсутствие в России «реальных инструментов влияния на власть» (35% мужчин и 33% женщин) и собственно политической жизни (по мнению 14% мужчин и 8% женщин);

- отсутствие интереса к этому занятию (31% мужчин и 29% женщин), а также нехватка времени и занятость другими делами (23 и 19%);

- российские граждане «не умеют пользоваться своими политическими правами» (так считают 28% мужчин и 33% женщин), а «политика – сложное дело, она для профессионалов» (14% мужчин и 18% женщин), либо же для тех и других «политика – слишком грязное дело» (11% мужчин и 12% женщин);

Но при этом только 9% мужчин и 12% женщин считают, что «власть принимает решения быстрее и эффективнее, чем граждане».

Иными словами, по мнению респондентов, большинство мужчин (54%) и почти половина женщин (48%) попросту исключают политику из сферы своих жизненных интересов и открыто признают это; почти столько же объясняют неучастие несовершенством существующей политической системы и неумением пользоваться политическими правами. В то же время при таком высоком уровне политической «непричастности» примерно равное число мужчин и женщин – 64–65% тех и других – основную «моральную ответственность за положение дел в стране» возлагают на «власть»; и немногим более четверти мужчин и такое число женщин (28%) выбирают ответ «народ».

Этот достаточно беглый обзор ответов наших респондентов на некоторые вопросы, связанные с их способностью и готовностью к самостоятельному политическому участию и действию, позволяет прийти к выводу, что «эмпауэрмент» является в значительно большей мере проблемой, чем признаком массовой политики в России. На такую ситуацию, разумеется, всерьез влияют обнару-

женные в ходе этого анализа гендерные разрывы в позициях и поведении наших сограждан – ведь женщины составляют и большинство населения страны, и более весомую часть ее электората. Но дело здесь не только в гендерной рассогласованности политического выбора россиян, значимым фактором остается еще и их общая неготовность к освоению наличных возможностей (институтов и каналов) политического влияния, «не-самостояние», «робость» перед всемогуществом Левиафана.

Список литературы

- Айвазова С.* Гендерное гражданство, активность и изменение гендерного порядка // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. – С. 231–237.
- Айвазова С.Г.* Избирательный цикл 2011–2012 гг.: о чем говорят гендерные разрывы // Пути России. Новые языки социального описания: Сб. ст. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – Т. 19. – С. 266–279.
- Хукс Б.* Феминистская теория: от края к центру / белл хукс // Антология гендерной теории. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 236–254.
- Жижек С.* Простая смелость решения: с благодарностью Тэтчер от левых // Интернет-журнал «Гефтер». – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/8476> (Дата посещения: 21.08.2014.)
- Канетти Э.* Масса и власть. – М.: Ad Marginem, 1997. – 528 с.
- Круглый стол «Массовая политика в России: пути изучения и концептуализации»: Ин-т социологии РАН, 29 мая 2013. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Kruglyi_stol/RT_DCPS_29_05_13 (Дата посещения: 8.08.2013.)
- Ле Бон Г.* Психология масс. – М.: Бахрах, 2010. – 592 с.
- Ледяев В.Г.* Власть // Концептуализация политики / Под ред. М.В. Ильина. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 208–225.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Весь мир, 1997. – С. 43–164.
- Павлова Т.В.* Демократия versus кликократия // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. – С. 88–94.
- Пиизова С.Н.* Можно ли управлять демократией? Ч. 1 // Полис. Политические исследования. – М., 2013. – № 6. – С. 171–182.
- Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. – М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.
- Роденберг Б., Вихтерих К.* Влияние женщин на характер власти. Результаты исследований Фонда Г. Белля. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/empowerment/index.htm> (Дата посещения: 10.07.2013.)

- Скотт Дж. Отголоски феминизма // Гендерные исследования. – Харьков, 2004. – № 10. – С. 11–25.
- Тейлор В., Уиттльер Н. Коллективная идентичность в группах общественных движений // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 2. – С. 963–989.
- Тилли Ч. Демократия. – М.: Ин-т общественного проектирования, 2007. – 263 с.
- Филитова Л.Е. Институциональное включение / исключение // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: РАПН: РОССПЭН, 2011. – С. 51–55.
- Фрейджер Н. От перераспределения к признанию? Дилеммы справедливости в «пост-социалистическую» эпоху // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 2. – С. 258–289.
- Чечель И. Европа и Россия «норм». – Режим доступа: <http://gefster.ru/archive/12631> (Дата посещения: 30.06.2014.)
- Чикалова И. Гендерная проблематика в политической теории // Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 1. – С. 80–107.
- Штомпка П. Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2012. – 445 с.
- Avenel C., Duvoux N. Le pouvoir aux habitants? Réformer la politique de la ville // La vie des idées. – 2013. – 7 mai. – Mode of access: <http://www.laviedesidees.fr/Le-pouvoir-aux-habitants.html> (Дата посещения: 10.07.2013.)
- Vacqué M.-H., Biewener C. L'empowerment, une pratique émancipatrice. – Paris: La Découverte, 2012. – 175 p. – (Sciences Humaines / Politique et sociétés).
- Berger P., Neuhaus R., Novak M. To empower people: From state to civil society. – Washington, D.C.: American Enterprise Institute, 1996. – 316 p.
- Dahl R.A. The problem of civic competence // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 1992. – Vol. 3, N 4. – P. 45–59.
- Empowerment // Словари и энциклопедии на Академике. – б. г. – Режим доступа: <http://translate.academic.ru/empowerment/en/ru/1> (Дата посещения: 20.06.2014.)
- Empowerment and poverty reduction: A sourcebook / PREM; World Bank. – 2002. – May 1. – Mode of access: <http://siteresources.worldbank.org/INTEMPowerment/Resources/486312-1095094954594/draft.pdf> (Дата посещения: 21.08.2014.)
- Fortin-Pellerin L. Contributions théoriques des représentations sociales a l'étude de l'empowerment: le cas du mouvement des femmes // Journal international sur les représentations sociales. – Montréal, 1996. – Vol. 3, N 1. – P. 57–67.
- Freire P. Pedagogy of the oppressed. – N.Y.: Continuum, 2000. – 183 p. [Книга частично переведена на русский язык: Фрейре П. Педагогика угнетенных: Материалы к учеб. семинарам Школы трудовой демократии. – М.: Школа трудовой демократии, 1998. – 40 с.]
- Kirszbaum T. Vers un empowerment a la française? – Mode of access: http://www.laviedesidees.fr/IMG/pdf/20131112_kirszbaum.pdf (Дата посещения: 25.05.2014.)

-
- Lord J., Hutchison P.* The process of empowerment: Implications for theory and practice // Canadian journal of community mental health. – Waterloo, Ont., 1993. – Vol. 12, N 1. – P. 5–22.
- Lukes S.* Power: A radical view. – L.: Macmillan Press, 1974. – 246 p.
- Regmi S.* Women's empowerment through microfinance: Interrogating the economic and socio-cultural structure // Perspectives on global issues / New York Univ. Center for Global Affairs. – Mode of access: <http://www.perspectivesonglobalissues.com/archives/spring-2011-women/microfinance/> (Дата посещения: 1.07.2013.)
- Sheafor B., Horejsi Ch.* Techniques and guidelines for social work practice. – Upper Saddle River, N.J.; Harlow: Pearson Education, 2011. – 528 p.
- Sheafor B., Horejsi Ch.* To empower people: From state to civil society. – Washington, D.C.: American Enterprise Institute, 1996. – 316 p.